

Спасский А. А. Пахомий и Феодор, первые основатели киновитского подвижничества по греческим и коптским сказаниям: (Критические наброски) // Богословский вестник 1908. Т. 1. № 2. С. 287–308 (2-я пагин.). (Окончание.)

Пахомій и Феодоръ первые основатели киновитскаго подвижничества по греческимъ и коптскимъ сказаніямъ.

(Критическіе наброски).

(Окончаніе).

Тенденція, какой руководствуется греческій авторъ при переработкѣ подлежащаго ему въ первоначальномъ источникѣ матеріала, отчасти намѣчена уже въ послѣднемъ сопоставленіи его разсказа о Феодорѣ Александрійскомъ съ соотвѣтствующимъ повѣствованіемъ мемфисской редакціи. Для грека, выросшаго въ атмосферѣ иныхъ представленій о благочестіи и религіозности, въ первоначальной коптской жизни Пахомія и Феодора многое казалось непонятнымъ, страннымъ и даже соблазнительнымъ. Пахомій и Феодоръ, какъ они изображались коптами, были на его взглядъ слишкомъ ужь обыкновенными людьми, даже не чуждыми обычныхъ человѣческихъ увлеченій и совсѣмъ не обладавшими тѣмъ безстрастіемъ (*ἀπαθείας*),—качествомъ которое необходимо соединялось въ греческомъ сознаніи съ мыслью о святомъ человѣкѣ¹⁾. И вотъ подъ перомъ его копты—Пахомій и Феодоръ невольно грецизируются: въ ихъ изображеніи онъ устраиваетъ все человѣческое и страстное, и они, дѣйствительно, начинаютъ у него поучать каждымъ своимъ словомъ и каждымъ дѣйствіемъ. Коптская жизненная исто-

¹⁾ Идеаль безстрастія (*ἀπαθείας*), отчасти заимствованный изъ эллинскихъ представлений, художественно изображенъ въ „жизни Антонія“, составленномъ Аванасіемъ Александрійскимъ на которое, какъ на образецъ, достойный подражанія, и ссылается греческій авторъ, приступая къ жизнеописанію Пахомія и Феодора (*Vita Pach et Theod*, ed. Boll, § 1)

ричность и картинность разсказа понижаются, за то всякій соблазнъ исчезаетъ; Пахомій и Феодоръ становятся идеалами святости и безстрастія. Слѣдующій рядъ немногихъ сопоставленій долженъ выяснить читателю, какъ греческій авторъ осуществляетъ на дѣлѣ эту свою тенденцію.

А., Іоаннъ, старшій братъ Пахомія, узнавъ о подвигахъ его, пришелъ къ нему и поселился вмѣстѣ съ нимъ. Братья жили мирно, предаваясь одинаковымъ подвигамъ. Но въ виду все вновь прибывающихъ лицъ, желавшихъ вступить въ монашескую жизнь, помѣщеніе, какое занималъ ранѣе Пахомій стало тѣснымъ,—и вотъ что произошло далѣе по разсказу греческаго житія. „Основываясь на обѣщаніи, полученномъ Пахоміемъ отъ Бога, онъ началъ вмѣстѣ съ братомъ расширять предѣлы монастыря, чтобы дать возможность поселиться большому числу лицъ, желающихъ принять монашескую жизнь. Когда они начали строить, Пахомій, имѣя въ виду обѣтованіе Божіе, старался сдѣлать мѣсто будущаго монастыря обширнѣе, Іоаннъ же, любитель отшельничества сѣуживалъ мѣсто (*ἐστέρω τὸν τόπον*?). Сильно вознегодовавшій на брата и притомъ превосходившій его по возрасту, Іоаннъ сказалъ Пахомію: „перестань, довольно безумія“. Ни мало не смущенный порицаніемъ брата, св. мужъ *ничего ему не возразилъ*, но, будучи благороднымъ смирителемъ своихъ страстей, низойдя одинъ въ низшую часть строенія, долго и много сталъ скорбѣть, и такъ молился Богу: „Доселѣ, Боже, благоразуміе плоти изощраетъ на мнѣ свое господство, доселѣ я слѣдую въ своей жизни законамъ плоти. Я, который столько времени упражнялся въ этой (воздержной) жизни и такъ приготовилъ душу къ добродѣтели, доселѣ чувствую движенія гнѣва. Сжался, Господи, прошу, помилуй, чтобы я не погибъ! Ибо если врагъ обрѣтетъ во мнѣ хотя бы самую малую часть владѣнія, а Ты милость свою не подаешь изъ связанныхъ съ нимъ, то я буду доступенъ для всѣхъ его козней; такъ какъ если кто исполнить и весь законъ, но поступитъ въ одномъ, оказывается виновнымъ во всемъ, Вѣрю, поэтому, Господи, если Твое милосердіе и многія и обильныя милости будутъ готовы на помощь мою, то я тверже пойду по пути Святыхъ твоихъ, будучи направленъ Тобой къ подражанію примѣрамъ предковъ, ибо тѣ, всегда полныя помощи твоей благодати, уничтожили безславныя дѣла врага.

Какъ же иначе, спрашиваю, я предложу законы жизни тѣмъ, которыхъ ты удостоишь призвать къ устроенному мною образу жизни, если я раньше не приобрѣту побѣды надъ врагомъ¹⁾». Эта молитва, изложенная въ стилѣ греческой риторики, очень характерна: она одновременно обрисовываетъ въ Пахоміи и идеаль безстрастія и смиренія и призванника Божія, заключившаго съ Богомъ особый договоръ и, потому, требующаго Его помощи.

Ничего подобнаго не зналъ первоначальный источникъ. Въ мемфисскомъ переводѣ этотъ рассказъ не сохранился; онъ переданъ на арабскомъ языкѣ и въ самомъ краткомъ видѣ. „Въ одинъ день братья приступили къ расширенію мѣста своего жительства. Пахомій желалъ по возможности распространить его границы по причинѣ большаго числа приходящихъ къ нему людей, Іоаннъ же пыталъ намѣреніе остаться въ одиночествѣ. Когда же Пахомій увидѣлъ, что Іоаннъ разрушалъ стѣну, которую онъ строилъ (gr. сѹжнвалъ мѣсто!), сказалъ ему: „довольно безумія“²⁾! Іоанна разгнѣвался и опечалился. Пахомій попросилъ у него прощенія и братья помирились³⁾ и только.

Б. Десять лѣтъ прошло послѣ бѣгства Феодора изъ родительскаго дома, когда его мать, давно желавшая повидаться съ нимъ явилась въ обитель, запасшись предварительно письмомъ отъ епископа области Эсне, въ которомъ тотъ просилъ Пахомія разрѣшить Феодору свиданіе съ матерію. Прочитавъ письмо, Пахомій и предложилъ своему любимому ученику исполнить содержащуюся въ письмѣ просьбу. Этотъ случай и далъ собой поводъ къ особому разговору между Феодоромъ и его учителемъ. По греческой редакціи онъ состоялъ въ слѣдующемъ: „скажи мнѣ, отецъ,—возразилъ Феодоръ,—если я, послѣ познанія столькихъ вещей, выйду съ привѣтствіемъ къ матери, то не подвергнетъ-ли меня порицанію по

1) Vita Pach. et Theod., ed. Boll. § 10.

2) A. d. M. g. XVII, 361

3) Любопытно прослѣдить тенденціозную передѣлку грека. По коптскому рассказу, оскорбленіе, если только о немъ можетъ идти рѣчь въ примѣненіи къ самому простому событію, наноситъ Пахомій Іоанну. Съ греческимъ идеаломъ безстрастія это было несовмѣстимо, и онъ слова, сказанныя Пахоміемъ, влагаетъ въ уста Іоанну, а о Пахоміи замѣчаетъ: «св. мужъ ничего ему не возразилъ (!)».

справедливости и заслугъ Господь въ день послѣдняго суда? и какъ я могу послужить примѣромъ для назиданія другимъ, если сдѣлаю такой великій скандалъ въ присутствіи многихъ братьевъ. Сыновья Левитовъ не усумнились нанести смерть родителямъ и братьямъ своимъ, чтобы угодить Господу... И я также ни матери, ничего другого своего не имѣю въ этомъ мѣрѣ; переходитъ бо“. Пахомій отвѣчаетъ: „коль скоро ты любишь Бога болѣе, чѣмъ мать, буду-ли ея противостоятъ мыслямъ твоимъ“ развѣ не скорѣе я буду убѣждать тебя, чтобы ты поступилъ мужественно. Ибо и кто возлюбитъ отца или мать болѣе, недостойнъ меня—это *высшая степень совершенства* 1)“. Θεодоръ по коптскимъ извѣстіямъ, выражается въ формѣ болѣе рѣшительной и энергичной, далеко не соответствующей той степени совершенства, на какую ставитъ его греческій авторъ, и разговоръ его съ Пахоміемъ происходитъ на простомъ языкѣ, чуждомъ всякой окраски греческаго риторизма и показнаго благочестія. „Я скажу тебѣ объ одномъ Пахомій,—отвѣчаетъ здѣсь Θεодоръ на предложеніе учителя повидаться съ матерью,—если я пойду на свиданіе съ матерію, то не окажусь ли я согрѣшившимъ предъ Господомъ, какъ не оказавшій повиновенія заповѣдямъ Его, написаннымъ въ Евангеліи; если нѣтъ, то пойду. Но если же чрезъ это долженъ обрѣстись во мнѣ грѣхъ, то я не только не пойду, но еслибы этого потребовало отъ меня повѣленіе Божіе, то я *убилъ бы ее* безъ всякаго состраданія“ 2). Греческому автору эта чисто-коптская религіозная пылкость Θεодора показалась слишкомъ экстравагантной, и онъ все событіе излагаетъ такъ, что въ немъ исчезаютъ всякія историческія черты, и оно служитъ только къ назиданію читателя 3).

1) Vita Pach. et. Theod., ed. Boll. § 26.

2) A. d. M. G. XVII, 54.

3) Отвѣтъ Пахомія въ коптскомъ извѣстіи также простъ. На взрывъ религіознаго энтузіазма Θεодора, онъ ограничивается только замѣчаніемъ, что онъ вовсе не хотѣлъ принуждать Θεодора нарушать заповѣдь Евангелія объ отреченіи отъ родственныхъ пристрастій и, если предложилъ ему идти на свиданіе къ матери, то только потому, что зналъ о слезахъ ея и опасался, что Θεодоръ будетъ опечаленъ скорбью матери. Любопытно прослѣдить дальнѣйшую судьбу матери Θεодора по греческой и коптской редакціи. Греческій авторъ и тутъ не можетъ освободиться отъ господствующаго у него тона благочестія и назидательности.

В., Отсюда и характеристика Θεодора, какую даютъ греческая и мемфисская редакція діаметрально противоположны. По греческому житію, Θεодоръ, будучи молодымъ, всегда обращался своими сердечными мыслями къ Богу и укрѣплялся духомъ, слѣдуя во всемъ за руководящимъ его отцомъ Пахоміемъ и *повинуясь ему, какъ Богу*. Если же иногда случалось, что исполняя порученія Пахомія, онъ что нибудь измѣнялъ и дѣлалъ не то, что приказано, и Пахомій, порицая его говорилъ: „зачѣмъ сдѣлалъ ты это, юноша?“—Теодоръ не удивлялся и не оправдывался въ защиту своего пониманія, но молчалъ и такъ говорилъ себѣ: человекъ не измѣняетъ словъ своихъ, но быть можетъ, какъ бы въ экстазѣ захваченный Духомъ Св., приказываетъ сдѣлать что-нибудь противъ своей воли, чтобы испытать меня, неопытнаго. Если же не такъ, то почему онъ порицаетъ меня, исполняющаго его приказанія. Подобное сему нахожу у пророка Іереміи, гдѣ Господь порицаетъ народъ за жертвоприношенія, совершаемыя не въ истинѣ: поелику не такъ заповѣдалъ я отцамъ вашимъ (Іер. 72, 2), хотя именно чрезъ Моисея именно это повелѣлъ ¹⁾“. Но этотъ смиренникъ, во всемъ повиновавшийся Пахомію, какъ Богу, по коптскимъ рассказамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ проявлялъ по отношенію къ своему учителю замѣчательную дерзость. Братьямъ, работавшимъ въ пекарнѣ въ Тавенниси, предписывалось полное молчаніе; если одинъ братъ нуждался въ помощи другого, напр. для того, чтобы подать воды, онъ ударяетъ рукой по квашнѣ, врытой въ землю, но вотъ одинъ братъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ молчаливымъ знакомъ, сказалъ словами: дай мнѣ немного воды. Пахомій призвалъ съ

По его разсказу, такъ какъ Θεодоръ не хотѣлъ повидаться съ матерью, то послѣдняя, одолеваяемая горячей любовью къ сыну, *не пожелала обратиться къ его близкимъ, (αληθεία?)* но охотно осталась съ посвященными Богу дѣвами въ надеждѣ увидѣть когда-нибудь Θεодора въ ряду прочихъ монаховъ (ibid). Такъ должна была поступить благочестивая мать. Разсказъ коптскаго автора проще и рельефнѣе. Три дня мать ждала у воротъ монастыря отвѣта отъ сына и, получивъ отказъ, продолжала рыдать и проливать слезы Клирики сжалились надъ ней и обѣщали показать ей сына на слѣдующій день утромъ, когда онъ пойдетъ на работу. Они постанили ее на крышу дома и указали ей на сына, шедшаго въ рядѣ другихъ рабочихъ. Успокоенная этимъ она удалилась домой.

1) Vita Pach et Theod, ed. Boll. § 33.

Певою Θεодора, на обязанности котораго и лежало завѣдываніе пекарней, и сказалъ: „пойди узнай, какъ они нарушили вчера правило въ пекарнѣ“. Θεодоръ поспѣшно пошелъ и узнавши, что въ нарушеніи правила виноваты 18 человекъ, возвратился къ Пахомію возмущенный и поднялъ руку, чтобы ударить его. Пахомій обратилъ все это дѣло въ шутку ¹⁾.

Г., Еще одинъ случай. Въ началѣ пребыванія Пахомія въ Тавенниси, явились къ нему жители изъ мѣстечка, называемаго Табакъ, въ числѣ 80-ти человекъ съ цѣлю стать монахами. Пахомій принялъ ихъ, но когда узналъ плотскія мысли ихъ, то отправилъ ихъ обратно въ свои мѣста ²⁾. Посмотримъ теперь, какъ перефразируетъ это мѣсто греческій авторъ: „нѣсколько ранѣе того, какъ число киновитовъ разрослось до множества, среди учениковъ Пахомія были нѣкоторые люди съ душой склонной имѣть плотское мудрованіе, такъ какъ не всѣ питали страхъ Господень. Много разъ увѣщевалъ ихъ Пахомій, но напрасно: они не хотѣли слушать его и не имѣли охоты слѣдовать указанному имъ пути. Объятый не малой скорбью, онъ удалился въ тайное мѣсто, палъ на лицо и началъ молиться, говоря: Боже, ты заповѣдалъ, чтобы ближняго своего мы любили такъ же, какъ и самихъ себя; и такъ, призри на души ихъ, умилиствись и вдохни имъ страхъ предъ Тобой и познаніе о томъ, что есть такое жизнь монашеская, чтобы они имѣли надежду на Тебя“. Но и эта молитва была тщетна. „Послѣ молитвы онъ увидѣлъ, что они не желаютъ подчиняться ему и остаются упорными. Тогда онъ далъ имъ правила житія и порядки поведенія. Понимая, что онъ не позволитъ поступить имъ по собственному желанію, они со страхомъ удалились отъ него и, благодаря ихъ уходу, остальные умножились, какъ умножается пшеница ³⁾“. Совершенно понятный и естественный фактъ, что Пахомій прогналъ 80-ть человекъ, не желавшихъ подчиниться его порядкамъ, показался греку ужъ слишкомъ простымъ, обычно человѣческимъ. Какъ это такой приближенный къ Богу человекъ, какъ Пахомій, образецъ всѣхъ добродѣтелей, могъ поступить столь

¹⁾ A. d. M. G. XVII, 114. 115.

²⁾ A. d. M. G. XVII, 32.

³⁾ Vita Pach. et Theod., ed Boll., § 27.

грубо, прогнавши сразу 80-ть человекъ, не сдѣлавъ, вопреки христіанской любви, никакой попытки наставить ихъ на путь истины. И вотъ онъ придумываетъ цѣлую поучительную сцену молитвы, которая должна показать читателю, что отнюдь не Пахомій былъ виновникомъ оставленія ими монастыря, а они сами со *страхомъ* ушли отъ него, причемъ ихъ уходъ не только не нанесъ никакого ущерба численности монаховъ, но повлекъ еще большее увеличеніе ихъ.

Мы могли бы привести еще цѣлый рядъ подобныхъ передѣлокъ, какимъ подвергаетъ греческій авторъ извѣстія, вычитанныхъ имъ въ первоначальномъ коптскомъ источникѣ, если бы не боялись утомить читателя. Но уже и изъ разсмотрѣнныхъ сейчасъ сопоставленій съ достаточною ясностью открывається та цѣль, къ какой стремится греческій авторъ, и общій характеръ его житія. Отстраняя въ изображеніи Пахомія и Феодора все человѣческое обычное и естественное, онъ хочетъ поднять ихъ на недостижимую для простаго человечества высоту, обрисовывая ихъ, какъ идеаль безстрастія, благочестія, преданности Богу и смиренія, которому можно только подражать, но сравняться съ которымъ трудно. Подъ давленіемъ этого воззрѣнія и основанное Пахоміемъ киновитство теряетъ у него свой естественно-историческій характеръ: оно является Божественнымъ учрежденіемъ, и Пахомій служить лишь орудіемъ Божіей воли, проявляющейся въ мірѣ и въ исторіи человечества. Эта точка зрѣнія ясно выражается въ слѣдующихъ разсужденіяхъ греческаго автора по поводу дара чудотвореній, проявленнаго Пахоміемъ: „Господь имѣлъ немаловажную заботу о такомъ своемъ рабѣ, *чрезъ котораго Онъ постановилъ научить людей совершенію такихъ дѣлъ*. Моисей, увидѣвъ свой жезлъ превратившійся въ змѣя, пораженъ былъ страхомъ, пока, по приказанію Господа, змѣй опять не сдѣлался жезломъ. Такъ и святые, пока они не получаютъ отъ Бога добродѣтели и власти страшаться того, чего должно страшиться, и невозможное для остальныхъ, невозможно и для другихъ. Поэтому и Пахомій, сознавая свое безсиліе, такъ молился Господу: „Господи, руководитель слѣпыхъ, благодарю Тебя, что Ты и *въ этомъ* не оставляешь меня въ заблужденіи, но снисходишь къ моему невѣдѣнію, пока не научишь меня исполненію Твоей воли святой“. И потомъ много боролся противъ демо-

новъ, какъ атлетъ истины, и какъ *подражатель св. Антонія*, просилъ у Бога отнять у него сонъ, чтобы цѣлый день и ночь бодрственно бороться противъ враговъ, какъ написано: не убѣгу пока не ослабнуть, потому что слабыми становятся наши враги, пока мы твердо держимъ христіанскую вѣру. И была просьба его облагодатствована у Бога, и онъ созерцалъ Бога въ чистотѣ своего сердца, какъ въ зеркалѣ¹⁾, и такимъ образомъ сравнился съ Моисеемъ и другими посланниками Божиими²⁾.

II. Религіозный обликъ Пахомія, его догматическія воззрѣнія и религіозныя чаянія, мы можемъ узнать тоже только изъ коптскихъ источниковъ. Впрочемъ, собственная личность Пахомія здѣсь отступаетъ на задній планъ; онъ является только выразителемъ и представителемъ того общаго религіознаго міросозерцанія, которое тогда было свойственно было болѣе или менѣе всѣмъ простымъ вѣрующимъ, стоящимъ на уровнѣ умственнаго развитія Пахомія. Пахомій вездѣ выступаетъ, какъ ортодоксальный членъ церкви. Но эта ортодоксальность основывается не столько на личномъ убѣжденіи его въ правильности того или другого догматическаго ученія, сколько на довѣрїи къ опредѣленному авторитету. Пахомій жилъ въ замѣчательнѣйшую эпоху въ исторїи догматическихъ движеній, въ періодъ радикальной постановки вопроса о Божествѣ Иисуса Христа, когда рядъ ученѣйшихъ людей тогдашняго времени вступилъ въ горячіе споры между собой и въ погонѣ за окончательнымъ рѣшеніемъ распался на разныя партїи. Ни откуда не видно, чтобы Пахомій питалъ какое-нибудь желаніе разобраться въ этихъ сложныхъ вопросахъ своего времени³⁾. Для него, какъ и для большинства тогдашнихъ мірянъ, все сводилось къ авторитету той личности,

1) Vita Pach. et Theod., ed Boll § 14. Нечего и говорить, что въ мемфисской редакціи ничего подобнаго нѣтъ.

2) Отсюда названіе „*μέγας*—великій“, которое часто прилагаетъ авторъ греческаго житія къ Пахомію и которое ни разу не встрѣчается въ мемфисскомъ переводѣ.

3) Греческая *vita* (Vita Pach. et Theod., ed Boll. § 36. 37) влагаетъ въ уста Пахомія цѣлую рѣчь о ночеловѣченіи, креста и воскресенія І. Христа, гдѣ типологическое истолкованіе Ветхаго Завета уже находятъ себѣ полное примѣненіе, но этотъ мыслящій и говорящій по гречески Пахомій, какъ сейчасъ увидимъ, ничѣмъ не напоминаетъ собой коптскаго Пахомія.

какая стояла во главѣ того или другого направленія богословской мысли, и специально для Пахомія Аѳанасій являлся той опорой, которая дала ему возможность устоять твердо на почвѣ ортодоксіи. Только три вещи считалъ онъ благоудными Богу въ его время: Аѳанасія, Антонія и основанное имъ киновитское монашество ¹⁾. И преемникъ его Феодоръ продолжалъ точно также строго держаться на почвѣ ортодоксіи Аѳанасія, дорожа постояннымъ общеніемъ съ нимъ. Какъ ортодоксальный членъ церкви, Пахомій отвергалъ и всѣ тѣ ереси, какія осуждали Аѳанасій и церковь его времени. Онъ рѣшительно отвергъ Арія и Мелетія, еще въ началѣ отшельничества пытавшихся привлечь его въ свою партію ²⁾. Но съ особой ненавистью Пахомій преслѣдовалъ Оригена, этого архивиночника всѣхъ послѣдующихъ ересей. Въ своихъ монастыряхъ онъ настрожайше запретилъ читать сочиненія Оригена, въ которыхъ слова Св. Духа смѣшиваются съ дѣвольскими размышленіями ихъ автора, и когда онъ не смотря на строгое запрещеніе, отыскалъ у одного монаха сочиненіе Оригена, онъ бросилъ его въ воду съ наивнымъ замѣчаніемъ, что разъ имя Божіе не встрѣчается въ книгѣ, она достойна того, чтобы быть сожженной въ огнѣ ³⁾. Его фанатическая ревность въ отношеніи къ еретикамъ нашла: свое наглядное выраженіе въ томъ, что онъ узнавалъ еретиковъ по запаху, издаваемому ими ⁴⁾. Но этими чисто внѣшними фактами и исчерпывались всѣ отношенія Пахомія къ современнымъ ему тринитарнымъ и христологическимъ спорамъ. Ни объ ученіи Арія, ни о догматикѣ Аѳанасія онъ ни гдѣ не разсуждаетъ; и для него, какъ для большинства простыхъ христіанъ IV вѣка, теологическія движенія, основанныя на философскихъ предпосылкахъ и выражавшіяся въ отвлеченной терминологіи, были непонятны. Въ его религіозномъ міросозерцаніи Христосъ вовсе не занимаетъ центральнаго мѣста. Правда, онъ вѣритъ во Христа, какъ судію и исповителя міра, но эта вѣра не сопровож-

¹⁾ A. d. M. G., ХУП, 678. Ср. письмо Аммона (*acta sanct*, Maji, III, cit. ed., p. 65): Пахомій называлъ Аѳанасія полнымъ св. Духа и столпомъ церкви.

²⁾ A. d. M. G. ХУП, 611.

³⁾ A. d. M. G., ХУП, p. 611.

⁴⁾ Ibid.

дается у него никакими попытками теологическаго объясненія. Въ видѣніяхъ ему чаще является Богъ, то въ видѣ страха Божія, котораго онъ не можетъ перенести и чувствуетъ себя близкимъ къ смерти, то въ видѣ милосердія оживляющаго его силы ¹⁾. Только одинъ разъ онъ созерцаетъ Христа увѣнчаннаго терніемъ Искупителя, явившагося ему для того, чтобы увѣрить его въ вѣчномъ пребываніи устроеннаго имъ монашескаго житія. Ученіе о св. Троицѣ, повидимому, совсѣмъ было недоступно ему, и только о Ѳеодорѣ Аммонѣ извѣщаетъ, что когда пришли къ нему монахи изъ Александріи и рассказали ему о томъ, какъ аріане учатъ о Единородномъ Сынѣ Божіемъ, три равныхъ колонны, явившіеся ему въ видѣніи, утвердили его въ единосущіи св. Троицы ²⁾. Какъ Христось, такъ и святые занимали лишь небольшой уголокъ въ душевной жизни Пахомія и Ѳеодора. О дѣвѣ Маріи, матери Христа, и помину нѣтъ. Апостоль Павелъ лишь одинъ разъ является Пахомію и возвѣщаетъ ему, что онъ долженъ будетъ претерпѣть небольшое мученичество прежде, чѣмъ исполнить свой долгъ предъ Господомъ ³⁾. И Ѳеодоръ однажды созерцалъ въ видѣніи Христа и Его апостоловъ, отдѣльныя имена которыхъ называлъ ему ангель Господень ⁴⁾. Только одного святого знало и чтило пахоміевское общежитіе—это самого Пахомія; послѣ своей смерти онъ открылся Ѳеодору въ царскомъ пурпуровомъ одѣяніи, какое носятъ всѣ святые ⁵⁾; къ его заступничеству Ѳеодоръ взываетъ во всѣхъ своихъ молитвахъ ⁶⁾, и самъ Богъ сообщилъ ему, что основатель монастырей всѣхъ членовъ своего общежитія приведетъ къ Богу, какъ отецъ и учитель ихъ ⁷⁾.

Насколько малый уголокъ въ религіозномъ сознаніи Пахомія занимали Христось и святые, настолько большую роль играли въ немъ ангелы и демоны. Египетская религія съ ея безчисленными добрыми и злыми духами оказала здѣсь существенное вліяніе на коптскую голову перваго основателя

1) A. d. M. G. XVII, p. 443 sqq.

2) Acta sanctorum, Maji, III, cit. ed. p. 65.

3) A. d. M. G., XVII, 573.

4) Ibid. p. 455.

5) A. d. M. G. XVII, 332

6) Ibid., p. 645

7) Ibid., p. 467.

киновитства, и онъ весь міръ населилъ всевозможными душами. Ангелы тѣлесны, обладаютъ вещественными крыльями и различаются, какъ ангелы и архангелы. Ихъ безконечное множество: есть даже ангелы семи дней недѣли. Такъ при смерти одного долго постившагося монаха Пахомій созерцаетъ двухъ ангеловъ—среды и пятницы, сопровождавшихъ душу умершаго на небо ¹⁾. Функціи ангеловъ также разнообразны: они уносятъ душу праведныхъ на небо, присутствуютъ при смерти грѣшника и отводятъ душу его въ мѣсто мученій. Столь же безчисленны и демоны во главѣ съ ихъ вождемъ сатаной. Пахомію сатана являлся очень часто, то въ видѣ сѣдого старика, то въ видѣ Бога ²⁾. Однажды онъ былъ окруженъ большимъ числомъ демоновъ въ видѣ собакъ, которые все-таки не нанесли ему никакого вреда ³⁾. Даже дочь сатаны являлась ему и Теодору, хвалилась тѣмъ, что отвратила Іуду отъ апостоловъ и жаловалась на опустошеніе ея владѣній вслѣдствіе постройки монастырей Пахоміемъ ⁴⁾. Демоны въ представленіи Пахомія разсѣяны вездѣ: въ воздухѣ, въ пустыняхъ, во всѣхъ обитаемыхъ и необитаемыхъ мѣстахъ: они находятся даже въ пальцахъ бѣсоватаго человѣка ⁵⁾. Но любопытно, что по коптскимъ понятіямъ, ихъ нѣтъ тамъ, гдѣ имъ всего приличнѣе быть; ихъ нѣтъ въ аду, гдѣ ихъ обычную роль исполняютъ тоже ангелы, но ангелы, созданные Богомъ безъ всякаго чувства состраданія ⁶⁾.

Полный интересъ вызываютъ въ себѣ эсхатологическія представленія коптскаго христіанства, какъ они выразились въ видѣніяхъ Пахомія и Теодора. Экстатико—энтузіастическій элементъ, имѣвшій такое великое значеніе въ строѣ древняго христіанства, съ постепеннымъ омірщеніемъ христіанской жизни незамѣтно исчезъ изъ широкихъ кружковъ церкви и свой послѣдній пріютъ въ монашескихъ колоніяхъ и пещерахъ отшельниковъ, гдѣ онъ долго еще сохранялся. Въ какой формѣ онъ обнаружился у коптовъ? въ формѣ очень

¹⁾ Ibid. p. 641

²⁾ A. d. M. G., 341.

³⁾ ibid.

⁴⁾ ibid., p. 419.

⁵⁾ ibid., p. 561

⁶⁾ ibid., p. 553

простой и естественной: въ стремленіи раскрыть тайны загробнаго бытія, указать все различіе въ будущей судьбѣ праведника и грѣшника, чтобы успѣть здѣсь же на землѣ приготовиться къ ожидающей тамъ участи ¹⁾). Видѣнія Пахомія и Θεодора почти исключительно посвящены этой цѣли. Уже кончина праведника рѣзко отличается отъ смерти грѣшника. Въ моментъ наступленія смерти добродѣтельнаго человѣка, къ его постели являются, три добрыхъ ангела: одинъ ставится у головы его, другой у ногъ, а третій держитъ духовную одежду,—блестящій плащъ, чтобы въ нее облачить душу, исшедшую изъ тѣла. Какъ скоро душа праведника выйдетъ изъ тѣла и облачится въ предложенную одежду, ангелы, держа ее за голову и ноги, какъ птицы отлетаютъ въ воздухъ, оглашая его пѣснями на нечеловѣческомъ языкѣ. Они показываютъ ей оба конца міра,—мѣсто покоя и мѣсто мученій,—последнее для того, чтобы и душа праведнаго знала о тѣхъ мученіяхъ, отъ которыхъ освободилъ ее Христосъ. Тогда душа благочестиваго мужа, который научилъ ее закону, беретъ душу праведнаго подъ свое покровительство и приноситъ ее къ Богу, какъ свой чистый даръ. Она отводится въ мѣсто покоя, прославляетъ Бога и созерцаетъ Христа. Но и здѣсь, въ мірѣ покоя, существуютъ различныя степени блаженства, болѣе или менѣе близкія или отдаленныя отъ Бога, и различный порядокъ встрѣчи душъ. Болѣе

¹⁾ Предъ авторомъ греческаго житія лежала книга видѣній и откровеній Пахомія, въ которой безъ сомнѣнія заключались и всѣ эсхатологическія воззрѣнія основателя киновитства. Но изъ всего обширнаго матеріала, заключавашагося въ этомъ источникѣ, онъ нашель нужнымъ сообщить читателямъ лишь слѣдующее замѣчаніе: „а иногда часто, когда Пахомій и Θεодоръ сидѣли около брата, намѣревающагося умереть, имъ открытъ бывалъ отъ Господа образъ исхода души отъ тѣла, и они по своей волѣ (*ἐκόντες*) никому не говорили (о томъ) до своей смерти, тайна бо есть. Но соприсутствовавшіе съ нимъ великіе (*sic*) братья наблюдали, какъ они въ тишинѣ съ великимъ удивленіемъ ввималя находящимся на лицо святымъ (!) въ тотъ часъ, какъ лежащій отдавалъ душу Богу. Иногда и огчасти, *по волѣ Господа*, они и объясняли то, что видѣли, вмѣя въ виду будущую пользу (*Vita Pach. et Theod., ed. Boll, § 59*)“. Греческій авторъ, т. о., зналъ книгу видѣній, но не извлекъ изъ нея ничего, кромѣ приведенныхъ торжественныхъ фразъ. Тенденція понятна: наивныя эсхатологическія воззрѣнія Пахомія и Θεодора слишкомъ несоотвѣтствовали тому идеалу, какой преднисился ему въ лицѣ первыхъ двухъ основателей и руководителей табеннисійскаго киновитства

добродѣтельными душамъ предшествуютъ святыя и праведныя на баркахъ и духовныхъ коняхъ, къ душамъ же, выдающимся по своему благочестію, они выходятъ на встрѣчу ко вратамъ жизни,—одѣтыя въ царственные короны, и привѣтствуютъ ее. Въ тотъ моментъ, когда душа праведника подходитъ къ врагамъ жизни, она возглашаетъ (Пс. 177, 19): „откройте двери правды и я взойду и исповѣдую Господа“, и ангелы отвѣчаютъ: „здѣсь врата Господа, чрезъ которыя входятъ праведныя — Смерть грѣшника обрисовывается въ совершенно въ другихъ чертахъ. При кончинѣ къ нему приходятъ только два ангела, и при томъ лишеныя всякаго чувства сожалѣнія; одинъ стоитъ въ головѣ, а другой въ ногахъ, и оба бичуютъ его до тѣхъ поръ, пока душа его не двинется; тогда при помощи особой удочки они вытягиваютъ ее изъ тѣла. Черная душа грѣшника садится на чернаго коня и отправляется въ мѣсто мученій ¹⁾).

Само собой понятно, что рай и адъ въ сознаніи Пахомія обрисовываются, какъ двѣ несоизмѣримыхъ противоположности. Рай прекрасенъ; деревья и виноградъ произрастаютъ тамъ, гораздо лучшіе, чѣмъ на землѣ; они доставляютъ духовное питаніе и распространяютъ около себя пріятное благоуханіе. Рай имѣетъ обширное пространство; ни солнца, ни луна не восходятъ въ немъ; самъ Господь освѣщаетъ его (Ис. 60, 19). Рай находится на землѣ, но выше фермамента, созданнаго изъ воды. Онъ занимаетъ самое возвышенное мѣсто міра и отъ земли отдѣленъ непроницаемой темнотой, наполненной дикими и ужасными звѣрями, такъ что войти въ рай можно только подъ охраной Ангела Господня.—Адъ находится на западѣ отъ рая, тоже выше матеріальнаго міра и фермамента. Онъ наполненъ потоками, каналами и ямами съ пылающимъ огнемъ. Страшные ангелы, не вѣдающіе никакого сожалѣнія, имѣютъ въ своихъ рукахъ огненные плети и каждый разъ ударяютъ ими, какъ только голова грѣшника покажется изъ огня; мученія, такъ страшны что грѣшники не могутъ даже кричать. Но какъ въ раю существуютъ различныя роды блаженства, такъ и въ аду даны различныя мѣста мученій. Другіе души съ разставленными ногами помѣщались надъ ямами, и пламя, извергаемое ямами, опа-

¹⁾ A. d. M. G., XVII, 461—469.

ляло тѣ члены ихъ тѣла, какими они погрѣшили. Среди мучимыхъ здѣсь душъ Пахомій призналъ и нѣкоторыхъ монаховъ изъ своей братіи. На западѣ ада устроены ворота, ведущіе въ самую глубокую и темнѣйшую часть его, гдѣ помѣшались лишь немногія души, изъ которыхъ каждая неустанно кричала: „горе мнѣ, что я не познала Бога, сотворившаго меня!“ Отъ духоты и нестерпимой жары они ничего другого произносить не могли. Существуетъ въ аду еще огромной высоты и ширины каменный домъ, весь наполненный огнемъ и специально назначенный для тѣхъ, кто безъ вѣдома родителей запятналъ свое тѣло прелюбодѣніемъ ¹⁾.

Эсхатологическія воззрѣнія Пахомія и Θεодора, какъ видимъ просты и не сложны; они покоятся на общей религіозной психикѣ вульгарныхъ представленій подобнаго рода и имѣютъ для себя близкія аналогія въ памятникахъ христіанской ²⁾ и языческой литературы ³⁾, а частію даже основаны на св. Писаніи. Ближе и естественнѣе всего на Пахомія, какъ копта, должна была воздѣйствовать египетская эсхатологія, и дѣйствительно, здѣсь, въ этой области, можно указать любопытныя сопоставленія. Какъ и у Пахомія, рай по книгѣ Ам—Дуат наполненъ городами и полями; поля украшены прекрасными благоухающими деревьями и несравненно плодоноснѣе, чѣмъ на землѣ; неурожая никогда не бываетъ на нивѣ блаженныхъ ⁴⁾. Рай окруженъ непроницаемой тьмою и страшные, дикіе звѣри обитаютъ въ ней. И какъ у Пахомія душа праведныхъ нуждается въ проводникѣ—Ангелѣ Господнемъ, такъ и по египетскимъ представленіямъ, Богъ Анубисъ сопровождаетъ души умершихъ въ низшую часть міра, при чемъ благочестивые, произнося цѣлый рядъ мистическихъ формулъ, проходятъ мѣсто, наполненное страшными звѣрями и демонами. Также и египетскій адъ, при всемъ несогласіи египетскаго ученія о судьбѣ злыхъ, заключаетъ въ себѣ много аналогіи, сходныхъ съ Пахоміевскимъ

¹⁾ A d. M. G. XIII, 543—552

²⁾ Ср. Harnack. Bruckstücke des Evangelium und der Apokalypse des Petrus. 1893

³⁾ Dietrich. Nekyia, Leipzig 1893

⁴⁾ A. Wiedemann. Die Religion. d. alten Aegypten. Theil III въ и Darstellungen aus d. Gebiete der nichtchristlichen Religionsgeschichte, s. 48.

адамъ. Въ немъ тоже находятся огненные потоки и озера и карающіе ангелы, разрывающіе и уничтожающіе злыхъ, вооруженные длинными ножами и копьями и даже такіе, которые, подобно ангеламъ Пахомія, имѣютъ въ своемъ распоряженіи огненные плетки¹⁾.

Кто бы и какъ ни судилъ о характерѣ изложенныхъ сейчасъ воззрѣній Пахомія на судьбу праведниковъ и грѣшниковъ, во всякомъ случаѣ они представляютъ собой любопытный эпизодъ въ исторіи христіанской эсхатологіи, и знакомствомъ съ нимъ историческая наука исключительно обязана коптскимъ источникамъ.

III. Монашество вступило въ исторію, какъ революціонное явленіе не только въ области культуры, социальнo-экономическихъ и семейныхъ отношеній, но и въ сферѣ тѣхъ устоевъ, на какіе опиралась тогдашняя христіанская церковь, достигшая торжества въ государствѣ. Отвергая всѣ давно сложившіеся порядки жизни, отказываясь и отъ всякихъ государственныхъ и общественныхъ обязанностей и отрицая семью, монашество въ то же время заключало въ себѣ внутренній протестъ и противъ того подавленія индивидуальной личности въ религіи, которое сказывалось въ господствѣ клира надъ мірянами, обнаружившемся къ IV вѣкѣ. Монашество не удовлетворялось наличнымъ положеніемъ церкви; въ ней оно видѣло омірщеніе христіанства, паденіе нравовъ и, убѣгая отъ міра и государственной церкви, оно въ пустыняхъ и пещерахъ хотѣло создать новое общество людей, осуществляющее вполне высшіе религіозно-нравственные идеалы христіанства. Въ самой идеѣ монашества заключалось, такимъ образомъ, нѣкоторое принципиальное отрицаніе церкви, какъ единственнаго института, обезпечивающаго спасеніе, и противопоставленіе себя церкви, какъ высшаго порядка жизни, а реализація этой идеи грозила оторвать отъ церкви лучшихъ членовъ ея. Источники, знакомящіе насъ съ жизнью Пахомія и Теодора и основаннымъ ими кионитствомъ, ставятъ насъ при самомъ начальномъ возникновеніи этого института, получившаго впоследствии огромное значеніе въ исторіи восточной церкви. Спрашивается: насколько эта принципиальная противоположность между

¹⁾ Wedermann, cit op. s. 132 Cp. Grutzmacher Pachomius, ss. 92. 93.

господствующей церковью и монашествомъ отразилась въ этихъ источникахъ?

Было бы напрасно обращаться съ этимъ вопросомъ къ греческому житію. Оно или замалчиваетъ факты или искажаетъ ихъ, но мемфисская и арабская редакціи даютъ въ себѣ хотя и не особенно обильный, но достаточный матеріалъ для отвѣта на него. Личныя намѣренія Пахомія заключаются въ томъ, чтобы по возможности удержать эти два института,—церковь и монашество,—въ мирномъ, но независимомъ другъ отъ друга существованіи, но не смотря на всѣ его старанія, онъ не можетъ избѣжать конфликтовъ съ клиромъ, которые постепенно обостряются и въ концѣ] жизни его принимаютъ уже очень рѣзкую форму. Онъ всей душой желаетъ, чтобы монахи его обитателей подчинялись церкви Божіей, какъ простые міряне¹⁾. Онъ молится за священниковъ церкви, чтобы они сдѣлались сынами апостоловъ и ихъ истинными преемниками, чтобы ходили въ правдѣ, во всей чистотѣ и благочестіи, украшались познаніемъ истины и не уклонялись отъ апостольской вѣры²⁾. Въ особенности усердно онъ молится за православнаго архіепископа и христоносца Аванасія³⁾. Но при всемъ томъ, епископы для него вовсе не были непогрѣшимыми авторитетами: онъ присоединяется къ сужденію ихъ, но лишь при томъ условіи, когда они оправдываются св. писаніемъ. Въ извѣстномъ намъ случаѣ, когда мать Теодора пришла на свиданіе съ нимъ, испросивъ рекомендательное письмо епископа, и Теодоръ на основаніи заповѣди евангелія отказался исполнить его просьбу, Пахомій не видитъ въ его рѣшеніи никакого противорѣчія волѣ епископа: „что касается до епископа,—утѣшаетъ онъ Теодора,—то онъ будетъ радъ, узнавъ, что ты не видѣлъ ее, потому что *есть епископы*, которые учатъ насъ тому, что находится въ св. писаніи“⁴⁾ Свой идеалъ монашества онъ ставитъ выше обязанностей клириковъ. Когда онъ подвизался еще въ храмъ Сераписа, въ сосѣдней деревнѣ открылась заразная болѣзнь. Пахомій употребилъ всѣ средства, чтобы помочь несчастнымъ, но

¹⁾ A. d. M. G., XVII, 372: „хорошо, если мы подчиняемъ себя церкви Божіей съ твердостью и спокойствіемъ.“

²⁾ Ibid. p. 491.

³⁾ Ibid. p. 642

⁴⁾ A. d. M. G. XVII, 405 sq

убѣдился въ нецѣлесообразности подобныхъ подвиговъ для монаха: „это не дѣло монаха,—сказалъ онъ себѣ; спасать больныхъ, но дѣло клира и пресвитеровъ“¹⁾. Клиръ долженъ заботиться о тѣлесномъ благополучіи членовъ церкви, задача же монаха спасать свою и чужія души. И при всемъ своемъ уваженіи къ Аѳанасію александрійскому, онъ ни мало не стѣсняется порицать находившійся въ его вѣдѣніи клиръ. Когда онъ ближе ознакомился съ Феодоромъ александрійскимъ, поселившимся въ его обители, онъ разъ спросилъ его о пресвитерахъ александрійскихъ, ихъ вѣрѣ и поведеніи. Феодоръ отвѣчалъ, что ихъ вѣра тверда, согласна съ заповѣдями апостоловъ, и ихъ знаніе писанія замѣчательное, но что касается до пищи ихъ, то они кушаютъ всѣ прекрасныя вещи. Пахомій ударилъ два раза палкой по землѣ: „вотъ эта земля, если она будетъ орошена и уважена, она не произраститъ ничего кромѣ паразитныхъ травъ; такъ и въ отношеніи къ тѣлу: если кто допуститъ себѣ изобиліе въ питіи и пищѣ, тотъ не можетъ сохранить себя въ чистотѣ; ибо сказано: кто предалъ себя Христу, тотъ распялъ свою плоть со страстьми и похотьми“²⁾.

Въ области отношеній между тавеннисійскими обителями и господствующей церковью самой характерной чертой можетъ служить тотъ фактъ, что основатель киновитства стремился всѣми средствами поставить населеніе своихъ монастырей внѣ всякихъ связей съ клиромъ. Онъ строжайшимъ образомъ запретилъ своимъ монахамъ принимать посвященіе въ какое-то бы ни было церковное званіе, чтобы вмѣстѣ съ нимъ не привлекла гордость въ монастырскую братію, гдѣ всѣ имѣли одинаковыя права и одинаковыя обязанности³⁾. Со своими монахами онъ посѣщалъ церковь, которую построилъ въ Тавенниси для мѣстныхъ обитателей и исполнялъ обязанности чтеца безъ церковнаго посвященія. Позднѣе, когда число монаховъ умножилось, онъ вынужденъ былъ построить церковь и въ монастырѣ, однако такъ, что его община по прежнему, по крайней мѣрѣ, въ субботу вечеромъ, присутствовала за богослуженіемъ въ сосѣдней церкви вмѣ-

1) Ibid. p. 910

2) A. d. M. G. XVII, 475

3) Ibid. p. 372.

стѣ съ мірскими людьми, утромъ же въ воскресенье приходилъ оттуда священникъ и здѣсь въ монастырскомъ храмѣ совершалъ литургію ¹⁾. Внутри обители на постоянное жителство онъ не допускался. Тотъ же принципъ Пахомій выдерживалъ и въ отношеніи къ приходящимъ въ обители пресвитерамъ съ цѣлюю отдаться подвижничеству. Онъ принималъ ихъ, такъ какъ они само собою отказывались отъ пресвитерскихъ обязанностей, вступая въ число братій, но требовалъ, чтобы они во всемъ подчинялись монастырскимъ порядкамъ и клерикальную роскошь смѣняли простой монашеской одеждою ²⁾. Настойчивый протестъ Пахомія противъ всякой попытки со стороны господствующей церкви клерикализовать монашество самое наглядное выраженіе нашель въ слѣдующемъ событіи его жизни. Вскорѣ послѣ своего поставленія на кафедрѣ Аѳанасій отправился обозрѣвать округи своей обширной епархіи и, между прочимъ, посѣтилъ верхнюю Оиваиду. Пахомій со всей своей братіей вышелъ на встрѣчу, чтобы привѣтствовать новаго архипастыря. Сопровождавшій Аѳанасія, епископъ Дендеры Серапіонъ предложилъ ему посвятить Пахомія въ пресвитеры, чтобы онъ управлялъ всѣми монахами его діоцеза. Пахомій, услышавъ это, скрылся въ толпѣ и удалился отъ Аѳанасія. Аѳанасій похвалилъ его смиреніе и поручилъ ему передать свое привѣтствіе ³⁾. Фактъ этотъ очень ярко характеризуетъ взаимное отношеніе между клиромъ и монашествомъ. Предложеніе Серапіона посвятить Пахомія въ пресвитеры его діоцеза, т. е. сдѣлать его подчиненнымъ лицомъ епископу представляетъ собою первую попытку со стороны господствующей церкви задержать свободное развитіе монашества, подчинить его своему контролю и этимъ прекратить дальнѣйшее отторженіе отъ церкви большинства ея членовъ. Пахомій понялъ опасность, грозившую гибелью его институту, и отказался отъ пресвитерства не только по своему смиренію, но и по сознанію необходимости этого отказа для сохраненія независимости и самостоятельности основаннаго имъ подвижничества.

Но по мѣрѣ все большаго развитія и умноженія Пахоміев-

¹⁾ А. d. M. G. XVII, 371

²⁾ Ibid. p. 372.

³⁾ Ibid, p. 385

скихъ обителей отношеніе представителей господствующей церкви къ нарождающемуся монашеству стало выражаться рѣзче и перешло, наконецъ, въ рѣшительную вражду. Инициативу въ этомъ дѣлѣ принялъ на себя епископъ Эсне (Латополя), вблизи округа котораго и находилась Тавеннисис. Вражда къ пахоміевымъ монахамъ началась по слѣдующему поводу. Аполлоній, одинъ изъ выдающихся дѣятелей тавеннисійскаго общества, *въ видѣннѣ* получилъ приказаніе пойти на югъ (въ область Латополя, лежавшую на югѣ отъ Тавеннисис) и построить тамъ монастырь. Когда онъ вмѣстѣ съ братьями началъ постройку, то епископъ Эсне, собравъ толпу народа, разрушилъ постройку и прогналъ строившихъ ¹⁾. Смыслъ этого событія ясенъ. Монахъ, считавшій для себя обязательнымъ только одинъ Божественный авторитетъ, основываясь на видѣннѣ, вторгается въ чужую территорію, входящую въ вѣдѣніе епископа и, рассматривая ее, какъ свою собственность, начинаетъ строить здѣсь монастырь. Епископъ встаетъ на защиту предоставленныхъ ему государствомъ правъ и грубымъ насиліемъ прогоняетъ монаховъ изъ своихъ влвдѣній, разрушивъ самую постройку. Противорѣчіе двухъ точекъ зрѣнія, сказавшееся въ этомъ грубомъ натискѣ епископа на Аполлонія и братію его строившую монастырь, не могло ограничиться только этимъ случайнымъ фактомъ. Оно требовало принципиальнаго рѣшенія и такое рѣшеніе произошло на соборѣ епископовъ въ Эсне, состоявшемся незадолго до кончины Пахомія. Основателя киновитства обвинили въ томъ, что онъ говорилъ слова, которыя никогда не произносились монахомъ (=міряниномъ). Иноки, жившіе въ предѣлахъ Латопольскаго округа, сообщили объ этомъ Пахомію. Собравъ братій изъ всѣхъ своихъ монастырей, къ которымъ присоединилась еще масса жителей изъ ближайшихъ селеній, Пахомій, сопровождаемый этой огромной толпой, двинулся въ Эсне. Епископы испугались, пригласили съ своей стороны на соборъ множество мірянъ и солдатъ. Пахомій прибылъ больной, но получивъ предложеніе обсудить вопросъ мирнымъ путемъ, на носилкахъ внесенъ былъ въ собраніе. Епископы тотчасъ же открыли формальный допросъ: „правда-ли, что ты восходилъ на небо и знаешь все, совер-

1) A. d. M. G. XVII, 78.

шающееся въ душѣ человѣка?“ Одинъ монахъ, нѣкогда находившійся при Пахоміи, робко засвидѣтельствовалъ послѣдній пунктъ обвиненія. „Почему же ты боишься сказать откровенно,—замѣтилъ Пахомій,—ты говоришь истину“. Обратившись къ нѣкоторымъ епископамъ, прежде подвизавшимся съ нимъ въ тавеннисійскихъ общежитіяхъ и теперь застѣдавшихъ въ рядахъ судей, онъ спросилъ: „правда-ли, что вы не знаете, каково было мое поведеніе въ тѣ дни, когда вы были со мной??“ Четверо изъ нихъ отвѣтили: „мы знаемъ тебя за человѣка благочестиваго и праведнаго и никогда не слышали, чтобы ты говорилъ: „я восходилъ на небо“ и: „зналъ, что совершается въ душахъ человѣческихъ“. „Это правда,—заявилъ во всеуслышавіи собора Пахомій,—я не говорилъ, что знаю все, совершающееся въ сердцахъ человѣческихъ, но когда братія умножилась въ монастырѣ, я утверждалъ, что Господь далъ мнѣ благодать различать добрыхъ отъ злыхъ, когда они приходятъ ко мнѣ, чтобы сдѣлаться монахами. Что же касается вашихъ словъ, будто бы я восходилъ на небо, то я этого никогда не говорилъ; но я сказалъ: я былъ восхищенъ въ рай, по повелѣнію Господню: я сказалъ истину и не сталъ бы лгать даже въ присутствіи царей“. При послѣднихъ словахъ Пахомія епископы закричали толпѣ: „слышали-ли вы что-нибудь подобное отъ человѣка?“ Толпа стала неистовствовать; въ церкви началось кровопролитіе; послышались крики: „никого не убивать, кромѣ Пахомія“. Съ большимъ трудомъ два сильныхъ брата вынесли его на постели изъ храма, но лишь только онъ появился на улицѣ мужчины и женщины съ терасъ и крышъ начали бросать въ него камнями. Городскіе безпорядки могли бы зайти далеко, если бы не вмѣшалось одно вліятельное лицо въ городѣ Сабинѣ, пригрозившій гражданамъ строгимъ наказаніемъ со стороны римскихъ властей. Тавеннисійскіе монахи, пользуясь общимъ шумомъ, незамѣтно спасли его отъ бушующей черни и вмѣстѣ съ нимъ возвратились въ монастыри ¹⁾.

¹⁾ A. d. M. G. XVII, 591 sq.—Авторъ греческаго житія совсѣмъ искажаетъ этотъ фактъ (*vita Pasch. et Theod.*, ed. Boll. § 72). Пахомій приходитъ на соборъ „со старѣйшими братьями“ и произноситъ вычурную риторическую рѣчь, наполненную цитатами изъ св. писанія, гдѣ онъ указываетъ на свои заслуги въ исторіи монашества. Слышавшіе эту рѣчь

Изложенный сейчасъ процессъ епископскаго суда надъ главой и основателемъ нарождающагося монашества важень прежде всего въ томъ отношеніи, что въ немъ монашество выступаетъ въ своихъ высшихъ идеальныхъ стремленіяхъ, опредѣленно высказывается на счетъ того, въ чемъ состоитъ религіозная сущность его и самый смыслъ бытія. Пахомій открыто заявляетъ, что онъ стоитъ въ совершенно особенныхъ, исключительныхъ отношеніяхъ къ Богу и что, если онъ самъ не восходилъ на небо, то по повелѣнію Божію, былъ восхищенъ въ рай. Онъ, правда, не знаетъ всего совершающагося въ сердцахъ человѣческихъ,—это равнялось бы всевѣдѣнію Божію,—но обладаетъ даромъ читать въ сердцахъ всѣхъ людей, входящихъ къ нему, чтобы сдѣлаться монахами, и отличать добрыхъ отъ злыхъ. Оба эти заявленія подрывали собой существенныя права іерархіи; для такихъ людей, какъ Пахомій, іерархія,—эта посредница между Богомъ и людьми,—была совершенно излишня; она не нужна была и для всего монашества, имѣвшаго свои органы непосредственнаго Богооткровенія. Излишня была іерархія, какъ руководительница и учительница въ дѣлѣ спасенія. Богъ открываетъ монахамъ такія тайны, какъ рай, и даетъ имъ благодать читать въ сердцахъ всѣхъ входящихъ къ нимъ. Такія притязанія мірянина, какими были и остаются монахи для IV вѣка были неслыханными. Онѣ въ корнѣ подрывали понятіе о церкви, какъ единственномъ институтѣ спасенія, и о епископахъ, какъ главныхъ представителей и руководителей этого института. Епископы, собравшіеся въ Эсне, не хотятъ даже входить ни въ какія разсужденія по поводу заявленій Пахомія. Притязанія мірянина на какія-то преимущества въ церкви кажутся имъ слишкомъ неожиданными, слишкомъ рѣзкими ухомъ, чтобы стоило ихъ опровергать, и они просто обращаются къ защитѣ присутствующей публики, вызываютъ бунтъ и кровопролитіе.

Другой интересной чертой всего процесса является то наблюдение, что монашество во главѣ съ Пахоміемъ вовсе не

(епископы) всѣ удивлялись смѣлости и смиренію этого мужа". Въ это время нѣкто движимый алымъ духомъ хотѣлъ Пахомія убить мечемъ (?), но братья помѣшали. Любопытно заключеніе: „потомъ при наставшемъ въ церкви шумѣ (?), когда одни говорили одно, а другіе другое (?), братья вышли здравыми (*διασωθέντων*) и ушли въ монастырь Пахнумъ.

желаетъ подчиниться епископату и признать его компетентнымъ судьей въ своемъ дѣлѣ. Пахомій идетъ на соборъ окруженный толпой монаховъ и сопровождаемый массой окрестныхъ жителей; на соборѣ онъ держится свободно, ничѣмъ не напоминая обвиняемаго. Онъ открыто признается въ своихъ убѣжденіяхъ и, не смотря на наставшее кровопролитіе, уходитъ побѣдителемъ. И это понятно; монашество здѣсь впервые выступаетъ въ связи съ той великой силой, которая обезпечила ему будущее торжество въ церкви,—съ массой религіозно фантазированной толпы. Скандалъ, разгравшійся на соборѣ Эсне, былъ лишь небольшимъ прецедентомъ тѣхъ скандаловъ, которые въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ церковный историкъ наблюдаетъ въ эпоху ефесскаго и разбойническаго соборовъ и въ періодъ послѣ халкидонскихъ смуть, когда монашество, опираясь на массу народа, диктуетъ свои догматы церкви, поставляетъ и низлагаетъ епископовъ. Послѣдовавшая затѣмъ въ Византіи постепенная клеризація монашества и монахизація клира уничтожила эту рознь и примирила монашество съ церковью, но примирила большой жертвой со стороны церкви... Не остается-ли монашество и доселѣ господствующимъ классомъ въ церкви, упорно старающимся удержать всю полноту власти въ своихъ рукахъ? Первые прецеденты этого явленія наблюдаются, такимъ образомъ, уже въ самой начальной исторіи монашества.

А. Спаскій.